

Подвеска осталась от близкого человека. Янь Фуи привык сжимать её в ладони, когда силы были на исходе. Он заговаривал с ней, и тогда казалось, будто он делит мысли с тем, кто его любил.

Наверное, всё же любил.

Как бы там ни было, того человека давно не стало, и Фуи позволял себе эту маленькую слабость. Тот ведь всё равно не поднимется из могилы, чтобы упрекнуть его в глупой сентиментальности.

От этой мысли его обычно холодный взгляд потеплел, а в глубине глаз промелькнула мимолётная искра.

Немного переведя дух среди снегов, Янь Фуи почувствовал, что силы возвращаются. Он сделал над собой усилие и заставил себя подняться.

Однако вместе с чувствительностью вернулась и боль.

Стоило выпрямиться, как в глазах потемнело, а глубоко из костей в кровь хлынул колючий, леденящий холод.

Он зажмурился, боясь сделать даже вдох. На лбу мгновенно выступила холодная испарина, отчего ресницы и брови показались ещё чернее воронова крыла.

"А-а-а-а, как же меня это бесит!"

Этот чистый, но так некстати преисполненный ярости голос прозвучал в его сознании совершенно внезапно.

"Ишь, спелись, козлы! Так нагло повесить всех собак... У пушечного мяса вообще прав нет?!"

Веки юноши дрогнули.

Он резко распахнул глаза. От недавней слабости не осталось и следа, а в узком, пронзительном взгляде вспыхнула холодная решимость. Пряди волос затрепетали на ветру, словно обнажённые клинки.

— Кто здесь?

Голос прозвучал ровно и леденяще. Пальцы, чуть сдвинувшие гарду меча из ножен, не дрогнули ни на йоту.

Голос на мгновение стих, а затем зазвучал ещё громче, срываясь на восторженный крик:

"Ты меня слышишь?! Фуи! Я —"

Голос оборвался на полуслове.

Янь Фуи замер, готовый в любую секунду обнажить клинок. Он прищурился, и вокруг него закружилась ледяная, острая аура меча, подобная снежному вихрю.

Окажись здесь сейчас кто-то из Даосского ордена Куньлунь, он непременно пришёл бы в изумление от этой мощной энергии, которая уже явно перешагнула порог формирования Золотого Ядра.

Янь Фуи приготовился к бою, готовый отразить удар — будь то уцелевший сгусток демонической тьмы или вновь пробудившиеся внутренние демоны.

Но после короткого испуганного вскрика таинственный голос умолк так же внезапно, как и появился.

—...

Неожиданный возглас казался мимолётным наваждением. Он терпеливо выждал ещё немного, но так и не уловил ни единого постороннего присутствия.

Обнажённое лезвие с тихим шорохом скользнуло обратно в ножны. Юноша выпрямился и озадаченно склонил голову набок.

Что ж, неважно.

Покачав головой, Янь Фуи ладонью коснулся подвески на груди, словно ища утешения, и невольно прижал руку к сердцу.

Там, глубоко внутри, медленно разливалась глухая, леденящая боль — точно подземный морозный ключ или чужеродная энергия меча, глубоко засевшая в плоти. Она не была невыносимой, но терзала непрестанно, изводя с каждым вдохом.

Этот застарелый недуг преследовал его с самого детства, со времён того страшного случая, едва не лишившего его жизни.

Старая рана так и не затянулась до конца. Подобно неизлечимому яду ледяной стужи, она заявляла о себе при каждом ранении, да и в обычные дни заставляла его мёрзнуть сильнее

других.

А уж если боль разыгрывалась всерьёз, это мучение ничем не уступало искажению Ци или сокрушительному откату духовных сил.

Сил сопротивляться не оставалось. Навалилась такая тяжёлая усталость, что хотелось просто упасть здесь же, в снег, закрыть глаза и забыться беспробудным сном.

Но сдаваться было нельзя.

Он снова погладил подвеску и, медленно побредя к выходу из тайной обители Цзэу, негромко забормотал, словно в оправдание перед самим собой:

— Я вовсе не изнуряю себя нарочно... Просто духовных сил маловато, чтобы лететь на мече. Сейчас найду какое-нибудь уютное местечко и хорошенько выплюсь. Да, не переживай.

Ответа, конечно, не последовало. Никто не упрекнул его и не коснулся ласково лба, выражая безмолвное неодобрение.

Лишь подвеска тускло поблёскивала, почти сливаясь со слепящей белизной бескрайних снегов.

Превозмогая слабость, он всё же выбрался из тайной обители. В ближайшем людском поселении отыскался скромный постоялый двор, где Янь Фуи без сил рухнул на кровать в крошечной комнатушке.

«Просто нужно поспать, и всё пройдёт».

Сон принёс лишь мучительный бред. Фуи давно не забывался столь беспросветным, тяжёлым сном — вернее сказать, он просто лишился чувств. Его преследовали жуткие видения: удушливые клубы демонической тьмы и реки крови затягивали в гротескный, безумный водоворот, словно вязкая трясина, хватаящая за лодыжки.

Он тонул в ней, не силах сопротивляться.

Юноша резко распахнул глаза. Комнату уже заливал яркий утренний свет.

Накануне он забыл задёрнуть занавески и даже не затворил как следует окно. За ночь порывы ледяного ветра распахнули створки настежь, наполнив комнату сухим, колючим холодом северных земель. В помещении не осталось ни капли тепла — оно выстудилось и стало холодным, точно склеп.

Кое-как придя в себя после кошмара, он успокоил взбунтовавшуюся кровь и поднялся, чтобы закрыть окно.

Стоило отгородиться от завывающего снаружи ветра, как на душе сделалось немного легче.

Обычный человек после подобного слёг бы в лихорадке, и лишь закалённое тело заклинателя справлялось с такими невзгодами. Но после недавнего отката ледяной яд внутри него пробудился с новой силой. То и дело он болезненными уколами вонзался во внутренности, лишая возможности вздохнуть, и Фуи подолгу не мог прийти в себя.

По правде говоря, вчера он совсем не планировал отправляться в тайную обитель Цзэу. Затягивать с лечением старых ран было опасно, а свободного времени из-за хлопот в ордене вечно не хватало. Янь Фуи с огромным трудом выкроил этот свободный день, чтобы наконец заняться собственным здоровьем.

Но пришёл Янь Тиншуан и принялся умолять его. А перед этим младшим братом, которого Фуи опекал и баловал с самого детства, он никогда не умел говорить «нет».

Впрочем, его появление там оказалось благом. Если бы он не явился вовремя и не восстановил треснувшую печать, окрестные людские поселения неминуемо постигла бы страшная беда.

Повреждённые каналы меридианов отзывались резкой вспышкой боли. Вытерпев приступ, Янь Фуи достал передающий бумажный талисман Даоссского ордена Куньлунь.

За время его забытья скопилось множество нерешённых вопросов. Зал Дисциплины, Зал Эликсиров и Трав, Башня Библиотеки... Янь Фуи сосредоточенно изучил каждое послание, отправил ученикам чёткие указания и одно за другим разобрал все скопившиеся дела.

Ощущая, как холод у сердца становится невыносимым, он закончил с последней задачей и после недолгого колебания извлёк из мешочка цянькунь чистый сосуд из тёплого нефрита.

Внутри находилась драгоценная влага из Тысячелетнего Источника Скрытого Ян.

Эта вода славилась своими согревающими свойствами и прекрасно помогала при лечении ледяных недугов.

Янь Фуи задумчиво покрутил в руках изящный сосуд. Ему очень хотелось сделать хотя бы глоток, чтобы унять буйствующий в теле холод.

Но, немного поразмыслив, он вздохнул и убрал его обратно.

Дело в том, что в последнее время он кропотливо взращивал редкое духовное растение,

которое как раз готовилось зацвести. Капризный росток требовал бережного ухода, и его следовало ежедневно поливать этой целебной водой.

Вода из Источника Скрытого Ян не была великим сокровищем, но и достать её стоило немалых трудов. Потратить он сейчас хоть каплю — и это могло ослабить будущие свойства лекарства. Рисковать трудами стольких месяцев ради минутной слабости не имело смысла.

«Ничего страшного, просто немного знобит. Терпеть мне не привыкать».

Переждав полдня, пока приступ утихнет, Янь Фуи почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы подняться на меч и полететь обратно в Даосский орден Куньлунь.

Куньлунь считался величайшей обителью на всём севере, а его боевые искусства и владение мечом гремели по Поднебесной. Разумеется, столь могущественный орден не ограничивался одним Пиком Меча: здесь процветали и другие направления — создание артефактов, начертание талисманов, алхимия, созерцание и различные мистические учения.

Их наставник, Достопочтенный Меча, Вопрошающий Небо, возглавлял Пик Меча. Поговаривали, что в боевом мастерстве он ничуть не уступал самому главе ордена.

Если не брать в расчёт таинственного Патриарха Цзывэя, который годами не являл себя миру, глава ордена Ли Аньши и Достопочтенный Меча Шан Цинъюэ оставались величайшими мастерами Девяти Провинций. Достигнув стадии Достопочтенного, они являлись незыблемой опорой ордена.

Вчерашнее происшествие в тайной обители Цзэу, бросавшее тень на имя Достопочтенного Меча, мгновенно разнеслось по Куньлуню в виде грязных сплетен, взбудоражив умы адептов.

Поднимаясь по горной тропе, Янь Фуи то и дело улавливал обрывки перешёптываний.

Злопыхатели взахлёб судачили о том, как Старший шисюн из зависти пытался погубить собственного брата. Рассказывали, как встревоженный Старейшина Вэньтянь посреди ночи мчался на Пик Эликсиров, вымаливая у тамошнего мастера редчайшие снадобья для любимого ученика. Не забывали упомянуть и Сяо Фэна — безродного юношу из внешнего круга, чьё имя теперь было у всех на устах: ходили слухи, что Достопочтенный Меча вот-вот примет его в личные ученики на Пик Меча, и тот с самого утра навещал раненого Тиншуана, ведя с ним дружеские беседы.

«Дружеские беседы...»

Стоя в тени раскидистого дерева с наложенным заклинанием невидимости прямо за спинами увлечшихся болтовнёй адептов, Янь Фуи нахмурился.

Каждому в ордене Куньлунь было известно, что Старший шисюн Янь Фуи на дух не переносит новоявленного гения Сяо Фэна.

Тот начинал как безродный слуга во внешнем круге ордена, наделённый худшим из возможных даров — слабыми пятью духовными корнями. Никто и помыслить не мог, что этот «мусор» совершит невозможное: на Великом турнире орденов Девяти Провинций он вырвет победу из рук непобедимого Янь Фуи и мгновенно прославится.

С тех пор за Янь Фуи закрепилась слава злопамятного и мелочного завистника. Сплетники утверждали, будто уязвлённый поражением Старший шисюн всячески притеснял соперника: урезал его долю эликсиров и камней для тренировок, а также строил козни, мешая Сяо Фэну перевестись на Пик Меча.

Янь Фуи давно привык к подобной клевете и не принимал её близко к сердцу. С годами его душа сделалась спокойной и безучастной; облачённый в тёмные одежды, с верным клинком у пояса, он казался холодным и недостижимым, словно вечные ледники на вершинах Куньлуня.

«Однако Сяо Фэн... — размышлял Фуи. — Его нельзя подпускать ни к учителю, ни к Тиншуану».

Стоило ему сделать шаг, намереваясь уйти, как до него донёсся новый возглас:

— Клянусь, вчера ночью сам глава ордена прервал пятилетний затвор и покинул пещеру медитации!

Янь Фуи резко замер.

Из глубин дантяня вспорхнул удушливый, липкий страх, точно ядовитая змея скользнула по внутренностям, выжигая их ледяным пламенем. В глазах зарябило, а давно позабытая, острая боль эхом отозвалась в каждом суставе, пробуждая кошмары далёкого детства.

Он пошатнулся, едва не выдав своё присутствие.

Болтавшие адепты поёжились от внезапно набежавшего холода. Оглядевшись по сторонам и не заметив ничего подозрительного, они поспешили разойтись, боязливо притихнув.

Оставшись один, Янь Фуи прислонился к шершавой коре дерева, чтобы не упасть от подступившей к горлу дурноты. Пальцы мелко дрожали, а в груди нарастала глухая, первобытная паника, выворачивающая наизнанку.

«Не бойся, — приказал он себе. — Только не смей бояться. Ты больше не беззащитный ребёнок. Ты — признанный мастер, сформировавший Золотое Ядро, способный в одиночку латать древние печати. Успокойся».

Теперь становилось ясно, почему за столь короткий срок Сяо Фэн умудрился втереться в доверие к обитателям Пика Меча, а весь орден ополчился против Старшего шисюна, обвиняя его в коварном заговоре.

Единственным желанием Янь Фуи было бежать. Он резко развернулся, спотыкаясь на ровном месте и в смятении позабыв, что может просто призвать меч и взмыть в небо.

Разум, обычно работавший безупречно и холодно, заволокло туманом. Все здравые мысли испарились, уступив место животному инстинкту, который отчаянно кричал: «Уноси ноги!»

Но куда бежать?

Мысли ворочались со скрипом. Он постоял немного, пытаясь унять дрожь в коленях, пока в голове наконец не забрезжил спасительный выход: Утёс Очищения Одежд. Там его никто не побеспокоит.

В нежном возрасте он обитал на Пике Меча, но повзрослев и начав часто отлучаться из ордена для истребления нечисти, решил перебраться в уединённое место. Ему не хотелось лишний раз мозолить глаза учителю и вызывать его недовольство, поэтому он обустроил собственную обитель на заброшенном, диком утёсе.

Окрестности утёса непрестанно хлестали яростные горные ветры, а потоки духовной энергии были столь хаотичны, что прочие заклинатели обходили эту пустошь десятой дорогой.

Но Янь Фуи полюбил этот заброшенный приют. Здесь царило полное безмолвие. Когда-то давно, будучи совсем ребёнком и отчаянно ища укрытия, он заблудился во время бурана и случайно набрёл на скрытую под скалами долину, усыпанную дикими цветами.

С тех пор эта глухомань стала его тайным убежищем. Словно ласточка, терпеливо выющая гнездо, он год за годом возводил защитные барьеры и обустроивал скромное жилище. Он даже назвал это место в свою честь — Утёсом Очищения Одежд.

Позже судьба свела его с израненным духовным зверем. Фуи выходил бедолагу и оставил жить при обители, сокрыв от чужих глаз.

Сверкнула холодная сталь. Потеряв самообладание, Старший шисюн Куньлуня призвал свой духовный меч и приготовился взмыть в облака.

Однако не успел он оторваться от земли, как дорогу ему преградила безупречно белая фигура.

— Шисюн, — Янь Тиншуан приветливо улыбнулся. Одетый в белоснежные одежды с широкими рукавами, бледный и утончённый, в этот миг он походил на благородный цветок магнолии.

Янь Фуи молча смотрел на него, едва заметно вздрагивая ресницами.

Возможно, на долю секунды в его душе затеплилась глупая, несбыточная надежда на то, что родной брат-близнец, которого все вокруг величали благородным мужем чистой души, скажет хоть слово участия... Пусть даже притворное, ради приличия.

Но Тиншуан лишь снисходительно улыбался, демонстрируя показное великодушие, словно без тени сомнения прощая брату все мнимые обиды.

— Почему ты вернулся так поздно? Я уже с ног сбился, разыскивая тебя.

Тиншуан заглянул брату в лицо и с глубоким удовлетворением отметил, как в глубине всегда безмятежного, холодного взгляда Янь Фуи промелькнула едва уловимая тень испуга.

— Старший дядя-глава покинул затвор, — участливо сообщил Тиншуан, но в его тоне скользнула зловещая нотка. — Наставник велел мне немедленно привести тебя.

<http://bllate.org/book/20278/2106003>